

**К обсуждению религиозного контекста летописного рассказа
о новгородских событиях 1418 года**

Летописный рассказ, описывающий события, произошедшие в Новгороде в 1418 году, удостоился пристального внимания исследователей. Зачастую эти события рассматривались как сословное противостояние, а в советской историографии приняли очертания примера классовой борьбы между угнетенной новгородской чернью и боярами.¹ А. В. Петров более обстоятельно подошел к вопросу. В своей книге «От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада)» он, глубоко проанализировав рассказ летописца, рассматривает «баталию», развернувшуюся на берегах Волхова не как противостояние сословий, а как соперничество сторон, уходящее своими корнями в глубокую древность.² Кроме этого А. В. Петров на примере распри, описанной в летописи, раскрывает «отношения» христианства и все еще бытовавших архаичных представлений о соперничестве и кровной мести, что позволяет судить насколько были «живы» отголоски родоплеменных обычаев на Руси даже в XV веке.

«История Степанки» (назовем ее так) хранит в себе еще один интересный аспект, раскрывающий «живучесть» архаических представлений новгородского общества XV века. Этот аспект — «жена некая, отвегши женскую немощь, взявши мужскую крепость, выскочив посреди сонмища дать ему раны, укоряючи его, яко неистова и глаголющи яко обидима есми им...»³. Кто эта женщина, обличавшая боярина доподлинно неизвестно, однако есть весомые основания полагать, что она приходилась Степанке женой.⁴ Как бы там ни было, но женщина в интересующим нас летописном рассказе играет весьма важную, если не ключевую роль. Она по сути является катализатором всей распри. И если владыка Симеон выступает здесь в роли примирителя, олицетворяя собой христианскую добродетель⁵, то «жена Степанки», напротив, показана «яко неистова», причем в начале летописного сообщения указывается, что распря началась «научением диаволим». Данное указание (это, конечно же, всего лишь предположение) вполне могло быть следствием того, что одним из главных действующих лиц является женщина, так как в мировосприятии средневекового христианина отношение к женщине было неоднозначным.

С одной стороны, женщина воспринималась как носительница первородного греха — «infirmior vasa» (немогущий сосуд), и в памятниках древней литературы женщина часто представлена в неприглядном свете. В «Житии Феодосия Печерского» мать святого описывается весьма специфически:

«Сущю же тѣгда божѣственному Феодосію 13 лет. Оттоле же начатъ на труды паче подвижней бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и делати съ всякимъ съмерениемъ. Мати же его оставляше ѿ, не велящи ему тако творити, моляше ѿ

¹ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 271-273.

² Там же. С. 286-291.

³ ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 136.

⁴ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. С. 279.

⁵ Там же. С. 281.

паки облачитися въ одежду *свѣтлы* и тако исходити ему съ съвѣрьстныи своими на игры. Глаголаше бо ему, яко “такое ходя, укоризну себе и роду своему твориши”. Оному о томъ не послушающую ея, и *якоже* многашьды ей отъ великыя ярости разгневаться на нь и бити *и*, бе бо и телъмь крепька и сильна, *якоже* и мужъ. Аще бо кто и не видевь ея, ти слышааше ю беседующю, то начьняше мьнети мужа ю суща».⁶

В «Изборнике 1076 года» в «Изречениях» можно найти много не лестных высказываний в адрес «прекрасной половины человечества»:

«О женахъ злыхъ и добрыхъ.

Мала есть вся зѣлоба противу зѣлобе женъскей, жребий грѣшника да испадеть на ню.

Жена *лукава* — язва сѣрдьчная.

Отъ жены начятъкъ греху — и тою вси умираемъ.

Не *даждь* *жене* дръзновения на тя глаголати, аште *не ходить* подъ рукою ти, отъсеци ю отъ плѣти своея.

Жены добры блаженъ есть мужъ ея, и число днии его сугубо.

Жена добля веселитъ мужа своего, и *лета* его исполнить миръмь.

Жену мудру не удобъ обрести.

Въ женахъ редько обрящещи истину.

О жене лукаве.

Волю жити съ лѣвъмь, неже съ женою лукавою.

Лукавство жены изменять зракъ ея, и посупляеть лице свое».⁷

Подобные воззрения можно встретить у Даниила Заточника:

- «Ту лучше ми волъ буръ вести в дом свой, неже зла жена поняти: волъ бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бѣема бесѣтся, а кротима высится, въ богатестве гордость приемлетъ, а в убожестве иныхъ осужаеъ.
- То есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бесовская. Что есть жена зла? Мирский мятежъ, ослепление уму, началница всякой злобе, въ церкви бесовская мытница, поборница греху, засада от спасения.
- Аще который мужъ смотритъ на красоту жены своеа и на я и ласковая словеса и лъстива, а дел ея не испытаетъ, то дай Богъ ему трясею боleti, да будетъ проклят.
- Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мой и свете очию моею! Азъ на тя не могу зрети: егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тела моего, и поничю на землю.
- ослушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ жене своей. Жены же у церкви стойте молящеся Богу и святей Богородици; а чему ся хотите учить, да учитесь дома у своихъ мужей. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрести добры жены.
- Добра жена венець мужу своему и безпечалие; а зла жена — лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена домъ мужа своего терять. Лутче есть угли лодии ездити, нежели зле жене тайны поведати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизньъ мужа своего погубить. Лучше

⁶ Киево-Печерский «Патерик». Житие Феодосия Печерского. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872> (дата обращения: 04.07.18); *sic!*: Здесь интересно замечание о том, что мать Феодосия представлена «якоже и мужъ» и, учитывая информацию о том, что отец Феодосия в это время умирает, можно предположить, что в связи с утратой, матери пришлось взять на себя мужские обязанности, что, по всей видимости, не слишком одобрялось, во всяком случае, автором Жития. Но это только предположение, которое требует тщательной проверки.

⁷ Изборник 1076 года. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2178> (дата обращения: 04.07.18).

есть камень долоти, нижели зла жена учити; железо уваришь, а злы жены не научишь.

- Зла бо жена ни учения слушает, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всех укоряет и всех осужает. То лва злей в четвероногих, и что змии лютей в ползущих по земли? Всего того злей зла жена. Несть на земли лютей женской злобы. Женою сперва прадед нашъ Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосиф Прекрасный в темнице затворенъ бысть; жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрела, летящей с чемерем!»⁸

Стоит, однако, заметить, что, при всем имеющемся «негативе», происходит разграничение на женщин «злых» и «добрых», причем акцент делается на том, что «доброую» жену найти очень непросто! Такое положение дел можно попытаться объяснить тем, что «базой» для любых богословских рассуждений, поучений и проповедей прежде всего является Священное Писание, а в Библии женщина — это, как уже сказано выше, виновница грехопадения и «сосуд греха» — с одной стороны, и мать и благодетельная жена — с другой. Образ женщины средневековой Руси хорошо разобран в статье М. М. Лоевской «Стереотип восприятия русской женщины (по материалам средневековой литературы)»⁹, но следует сказать и о том, что христианство — религия сложная и строить какие-либо конструкты и утверждения здесь нужно очень аккуратно.

Средневековый монах, во всяком случае, в его субъективном восприятии, постоянно находился в «агрессивной» для него среде. Христианизация, официально начатая Владимиром Святославичем в 988 году, представляла собой процесс длительный и неоднородный, так как смена мировоззрения не происходит мгновенно. Об этом писал и В. В. Рыбаков, правда по отношению к Северной Европе.¹⁰ В Древней Руси этот процесс также не был простым и на разных этапах сопровождался языческими реакциями¹¹.

В более глубоком понимании мировоззрения средневекового «человека церкви» могут помочь примеры, приведенные В. В. Долговым в его работе «Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки антропологии общественных отношений XI-XVI вв». Описывая вопросы любви и сексуальности в древнерусском обществе, он констатирует, что в древнерусской литературе тему половых отношений считали недостойной, более того, не существовало даже любовной лирики. «Любовь братская» не смешивалась с «любовью плотской», первая была «высокой», вторая же «низменной», и для того, чтобы отделить «зерна от плевел», существовали разные термины для их обозначения в тексте. Плотское влечение определялось христианскими авторами как зло, с которым нужно неустанно бороться. В качестве примеров В. В. Долгов приводит сюжеты из Киево-Печерского Патерика о преподобном Моисее Угрине, а также из слова об Иоанне Затворнике. Мораль обоих сюжетов прямо говорит о необходимости борьбы с плотскими страстями. Как замечает В. В. Долгов, хоть в сюжетах и идет речь о монахах, но все-таки Киево-Печерский Патерик был рассчитан на широкий круг читателей и представлял собой ценностные ориентиры для всего общества¹².

⁸ «Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичу» http://www.drevne.ru/lib/zatoch_o.htm (дата обращения: 04.07.18).

⁹ Лоевская М. М. Стереотип восприятия русской женщины (по материалам средневековой литературы) // Женщина в российском обществе. № 1-2. С. 65-76.

¹⁰ Рыбаков В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. С. 18-23.

¹¹ Как пример подобной реакции: Рассказ НЛЛ под 1071 г. о Волхве, пришедшем в Новгород, в результате чего население, захотевшее вернуться к языческим традициям, решило погубить епископа Федора (ПСРЛ. Т. 3. С. 196).

¹² Долгов В. В. Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки антропологии общественных отношений XI-XVI вв. Ижевск, 2004. С. 89-91.

Опираясь даже на эти краткие сведения, можно себе представить, как относился летописец к женщине, дерзнувшей при всем «честном народе» обличать боярина и призывать к мести. Насколько резко она контрастировала с его пониманием «доброй жены». В этом ее призыве для летописца отражался весь «поганый» уклад жизни, и «древние боги снова оживали» в шуме разрастающейся распри. Если в контексте «женщина и распря» обратить внимание на север — в Скандинавию, с которой Русь связывали долгие отношения, попытки понять которые в отечественной историографии в свое время принимали весьма «болезненные» формы, то можно отметить несколько интересных моментов, касающихся нашей темы.

В поисках характеристик правового статуса женщины в скандинавском обществе обратимся к нескольким исследованиям, посвященным устройству исландского общества. В некотором смысле, если использовать аллереорию, Новгород и Исландию можно назвать «мятежными братом и сестрой», так как их уклады и судьба имеют много схожих черт. Дж. Л. Байок о правовом статусе женщины относительно мести пишет следующее: «Распри и тяжбы в основном осуществлялись мужчинами, поэтому “Серый гусь” рассматривает положение женщин в основном в их отношении к мужчинам... Вероятно, также женщинам запрещалось выступать в суде свидетелями — во всех положениях “Серого гуся”, касающихся свидетелей и легальности показаний, говорится исключительно о мужчинах (дисл. Karlar)... Женщинам, далее, не позволялось принимать личное участие в преследовании людей за убийства (дисл. vígsöðk), однако источники согласны в том, что если женщина сама являлась пострадавшей стороной, она имела полное право вчинить иск — но должна была назначить мужчину, который бы представлял ее интересы в суде. Кроме того, женщины могли удовлетворить свою жажду мести, заставив мужчин совершить ее от своего имени, или же, напротив, заставить их взять себя в руки.

Аналогичным образом, женщину можно было вызвать на суд ответчицей, но опять же только через назначенного ей представителя-мужчину. Каковы бы ни были исходная цель и глубинный смысл этих положений, в контексте исландского общества они де-факто ограждали женщин от риска подвергнуться насилию, к каковому зачастую прибегали на разных стадиях хода распри и тяжб. Как видно, женщины платили за эту гарантию неприкосновенности возможностью участвовать в политической жизни, особенно в ее “боевых” проявлениях, и, согласно положениям “Серого гуся”, женщинам запрещалось носить оружие».¹³

И. Б. Губанов, исследовавший историю культуры и общества на базе исландских родовых саг, соглашается с утверждениями Дж. Байока¹⁴ и в качестве примера, отражающего роль женщины как подстрекательницы к мести, приводит сюжет из «Саги о Ньяле»:

«8. Тогда вошла Хильдигуд в палаты, подошла к Флоси, убрала волосы с очей своих и заплакала.

Флоси молвил: «Ныне тяжко у тебя на душе, родственница, однако хорошо, что ты оплакиваешь доброго человека».

9. «Какую поддержку», говорит она, «или помощь я от тебя получу?»

Флоси молвил: «Доведу я тяжбу твою до конца в соответствии со всеми законами или добьюсь такого мира, что добрые люди увидят, что мы в чести где бы то ни было».

10. Она молвила: «Отмстил бы Хёскульд за тебя, если бы ему пришлось вести дело из-за тебя».

Флоси ответил: «Немало в тебе жестокости, и видно, чего ты хочешь».

¹³ Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов. М, 2012. С. 472.

¹⁴ Губанов И. Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. СПб., 2016. С. 64.

11. Хильдигуд сказала: «Меньше навредил Арнор, Орнольвов сын, из Лесов Водопадной Реки, Торду, годи Фрейра, отцу твоему, но убили его братья твои, Кольбейн и Эгиль, на тинге в Скаптафелле».

12. Хильдигуд пошла тогда в светлицу и открыла свой сундук. Там она взяла плащ, тот самый, что Флоси прежде дал Хёскульду. В том плаще Хёскульд был убит, и она сохранила его, весь в крови.

13. Потом она вошла в палаты с тем плащом. Она подошла молча к Флоси. Флоси уже сытно поел, и со стола было прибрано. Хильдигуд накинула на Флоси этот плащ; обсыпало всего Флоси кровью той.

14. Тогда она молвила: «Этот плащ дал ты, Флоси, Хёскульду, и хочу я теперь отдать тебе его назад. Был он в нем убит».

15. Призываю я Бога и добрых людей в свидетели того, что я заклинаю тебя всеми силами Христа твоего, мужеством и отвагой твоею, чтобы ты отомстил за каждую рану, которая была на мертвом Хёскульде, или будешь зваться мерзавцем, каких не сыскать!»

16. Флоси сбросил с себя тот плащ, швырнул его ей в руки и промолвил: «Ты — самое большое чудовище и хочешь, чтобы мы взялись за то, от чего всем нам придется хуже некуда. Гибельны ледяные женщин советы!»

17. Флоси это потрясло так, что он в лице становился то словно как кровь, то бледный, как трава, то синий [или черный], как Хель».¹⁵

В данном отрывке очень хорошо показан, во-первых, правовой статус женщины и ее зависимость от мужчины в вопросах тяжбы, однако ее вопрос к Флоси касательно поддержки, которую он ей окажет, явно носит окраску требования. Во-вторых, после вполне явного упрека со стороны Хильдигуд, Флоси замечает ей, что она полна жестокости, а когда Хильдигуд, призывая Бога в свидетели, требует от него свершения мести, то он весьма не лестно отзывается не только о ней, но и о всем женском роде в целом.

В этих нелицеприятных высказываниях прослеживается явное христианское влияние как по отношению к кровной мести, так и по отношению к женщине, тем не менее Флоси все же порицает ее не столько по религиозным соображениям, сколько боясь последствий силового решения вопроса. И. Б. Губанов, разбирая этот отрывок, замечает, что описываемые события происходят вскоре после принятия христианства (1000 г.)¹⁶. Исландия, в отличие от Новгорода, была крещена мирным путем, и новая религия в целом мало повлияла на исландский уклад жизни¹⁷, что собственно можно легко заметить в саге.

Подобное отношение к мести и роли женщины в ней С. Л. Никольский находит и на Руси. Сравнивая участие женщины в кровной мести на Руси и в Скандинавии, он приходит к выводу о том, что ее правовой статус в подобных вопросах как в Скандинавском, так и в Русском регионе имеет сходные черты, объясняя это сохранением отголосков древних родоплеменных отношений¹⁸.

Итак, исходя из всего вышесказанного, попытаемся сделать некоторые выводы. Женщина, обличавшая боярина Данилу Ивановича Божи́на на вече, является одним из ключевых персонажей распри, произошедшей в 1418 году на берегах Волхова. Ее обличение — ни что иное как подстрекательство к мести, однако так как сама она отомстить не может, она делает это через Степанку, который призывает людей Торговой

¹⁵ Там же. С. 173-174.

¹⁶ Там же. С. 64.

¹⁷ Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов. С. 444-450.

¹⁸ Никольский С. Н. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь). <https://norse.ulver.com/articles/nikolsky/women.html> (дата обращения: 06.07.18).

стороны Новгорода, на которой он проживал, помочь ему в этом нелегком деле. Именно она — подстрекательница, находится в оппозиции к умиротворителю — владыке Симеону, и именно в ней летописец видит возвращение к древним языческим традициям, определяя ее «яко неистову». Она для него так же безумна и необуздана, как древний уклад жизни. В ее образе, возможно, сливаются как негативное отношение церкви к языческим традициям, так и отношение к женщине средневекового монаха как к «немощному сосуду» и виновнице первородного греха, а возможно и как к «объекту страсти», с которой надлежит неустанно бороться. Она подстрекает Степанку к мести также, как в начале времен Ева соблазнила Адама вкусить запретный плод.

Предположений может быть много, но с определенной уверенностью можно сказать, что присутствие в рассказе летописца «некой жены» является еще одним подтверждением высказанной и блестяще доказанной мысли А. В. Петрова о глубоких и древних причинах распри произошедшей в Новгороде в 1418 году.

Источники и литература

1. *Байок Дж. Л.* Исландия эпохи викингов. М.: Corpus, Астрель, 2012.
2. *Губанов И. Б.* Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. СПб., 2016.
3. *Долгов В. В.* Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004.
4. Изборник 1076 года. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2178> (дата обращения: 04.07.18).
5. Киево-Печерский Патерик. Житие Феодосия Печерского. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872> (дата обращения: 04.07.18).
6. *Лоевская М. М.* Стереотип восприятия русской женщины (по материалам средневековой литературы) // Женщина в российском обществе. № 1–2. С. 65–76.
7. *Никольский С. Н.* О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь). <https://norse.ulver.com/articles/nikolsky/women.html> (дата обращения: 06.07.18).
8. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевых уклада). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
9. ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841.
10. *Рыбаков В. В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М.: Языки славянских культур, 2008.
11. «Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичу» http://www.drevne.ru/lib/zatoch_o.htm (дата обращения: 04.07.18).